

In the 1992-1994 period researchers from Krasnoyarsk University and the Krasnoyarsk Laboratory of Archaeology and paleography of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences carried out their ethno-sociological studies among the peoples of Taimyr peninsular, including Dolgans. The complex research method with the use of a special questionnaire for mass interviewing was applied to a 25 per cent sample of the population.

The article examines changes that have taken place in the economic life, culture and language of the Dolgans. The author notes on significant developments in the ethnic change processes going on among the Dolgans in the spheres of language and culture as well as on the growing rate of their intermarriage with neighboring peoples and the Russians.

© 2000 г., ЭО, № 5

И.С. Са в и н

**ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
В КАЗАХСТАНЕ**

Среди проблем становления полиэтничных обществ в постсоветских государствах вопросы языковой политики - одни из самых злободневных. Спектр мнений по поводу наиболее «нужной и правильной» реализации этой политики необычайно широк. Казахстан здесь - не исключение. Достаточно привести несколько примеров. С одной стороны, власти и солидарная с ними часть национальной интеллигенции под поэтическим лозунгом «Нет вершины выше, чем язык» стремятся расширить сферу распространения казахского языка, считая, что только таким образом можно его сохранить. С другой стороны, активисты общественных объединений нетитульных национальностей постоянно говорят о чрезмерной политизированности языкового вопроса и даже о языковой дискриминации. Косвенным подтверждением этой точки зрения служит возросшая миграция русскоязычного населения начиная с зимы 1997/1998 г. - времени, когда стали активно сказываться первые результаты действия нового закона о языках. Например, по информации газеты «Караван» от 8 мая 1998 г., в 1997 г. из Казахстана выехало 174 616 русских, тогда как в 1996 г. - 120 421.

Наконец, существует и третья точка зрения - так называемых простых людей, которые живут в условиях одновременно и «катастрофической ситуации в сфере развития казахского языка», и «агрессивной языковой политики, направленной на выдавливание "некоренного" населения». Они по мере надобности и возможности используют то один, то другой язык и склоняются в зависимости от ситуации то к одному, то к другому из полярных мнений о развитии языковой сферы.

Задача автора этой статьи - исследовать процесс складывания условий, приведших к возникновению современной языковой реальности в Казахстане и обусловивших закономерности ее восприятия в массовом сознании. Естественно, решение подобной задачи невозможно без изучения основных особенностей языковой, культурной и образовательной политики, осуществлявшейся в Казахстане начиная с 1920-х годов. Но данная статья ни в коей мере не претендует на полное освещение всего комплекса мероприятий, проводимых в этой сфере в Казахстане.

Примерно теми же обстоятельствами объясняется отсутствие всеобъемлющей хронологической последовательности в описании событий, происходивших на протяжении почти трех четвертей столетия. Наше внимание привлекли только те периоды, которые играли, по нашему мнению, принципиальное значение в складывании языковой сферы в Казахстане.

Особенности имевшихся в нашем распоряжении материалов также наложили свой

отпечаток на итоги работы. Автор пытался совместить несколько методов для создания более полной картины: это и интерпретация архивных материалов и прессы 1920-1930-х годов, и анализ результатов массовых социологических опросов, и обобщение нескольких углубленных интервью, и фокус групп. Некоторая территориальная диспропорция материалов в сторону данных, собранных в Южно-Казахстанской обл. связана с тем, что именно здесь автором проводились многочисленные полевые исследования. К тому же Южно-Казахстанская обл., в силу демографической специфики (около 80% казахского населения в общем числе жителей) и особенностей геополитического положения (близость к узбекской границе, большая подверженность влиянию центральноазиатских социокультурных традиций) может быть рассмотрена в качестве одной из возможных перспективных моделей развития ситуации в Казахстане в целом.

История складывания советской государственности Казахстана довольно сложна и включает несколько этапов. 20 августа 1920 г. декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР была создана Киргизская Советская Социалистическая Республика, в которую вошли Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская и часть Астраханской губернии. 4 октября того же года в Оренбурге учредительный съезд Советов провозгласил создание Киргизской АССР в составе РСФСР. 6 июня 1921 г. возникла Киргизская областная организация ВКП(б). В 1924—1925 гг. в ходе административного размежевания земли Туркестанской, Семиреченской и Сырдарьинской областей вошли в состав Киргизской АССР. В 1925 г. она была переименована в Казахскую АССР, а в 1936 г. стала Казахской ССР со столицей в г. Алма-Ате.

На протяжении 1917-1936 гг. в советской печати и публицистике встречаются различные варианты наименования как самого нового государственного образования, так и народа, давшего имя республике (киргиз-кайсаки, киргизы, казаки, казахи). В тексте данной статьи они приводятся согласно словоупотреблению, принятому авторами цитируемых документов. Следует отметить, что иногда разные термины использовались попеременно в тексте статьи или выступления.

Сразу после революции 1917 г. новые органы управления в целях сохранения своего влияния на местное население изыскивали возможности для взаимодействия с окраинными народами Российской империи. Они не хотели допустить, чтобы эксплуатировавшиеся большевиками в ходе гражданской войны национально-освободительные лозунги и мобилизационная эффективность антиколониальных призывов казахская элита использовала для создания независимых политических образований. Кстати, появление таких образований было вполне возможно: в течение нескольких месяцев 1917 г. функционировало правительство «Алаш-Орды»¹. Поэтому советская власть нуждалась в альтернативных вариантах обустройства национальных окраин, одним из которых был союз национальных государств под контролем центра.

Для этого «марксизм в России, провозгласив себя интернационалистским движением...включил в себя доктрину этнического национализма», согласно которой, во-первых, в качестве основы нации признается «этническая группа, обладающая набором обязательных характеристик» (территория, общность экономических связей, единый язык и отличительный социально-психологический менталитет), а во-вторых, условием признания и развития нации является «наличие собственной государственности»². Поэтому одной из главных задач политики советского государства в отношении народов Средней Азии и Казахстана «стало устройство национальных административных единиц, базирующихся на этнолингвистических признаках. [Это]... было первым шагом в процессе формирования нации. Развитие своих собственных национальных языков, литературы, исторической науки, традиций, ритуалов, символов и жанров искусства сопровождало этот процесс...»³.

М. Тынышпаев в начале 1920-х годов писал: «Сейчас в период создания казахской государственности правильное понимание и освещение прошлого казаков (имелись в виду казахи. - И.С.) - залог успешного насаждения советской общественности среди последних и приобщения их к социализму»⁴.

Сразу после образования Казахской АССР были предприняты шаги по обеспечению совместного использования русского и казахского языков в различных сферах общественной жизни. Этому вопросу уделялось существенное внимание, о чем свидетельствуют декрет ЦИК КАСР от 2 февраля 1921 г. «О порядке употребления киргизского и русского языков в государственных учреждениях КАСР» и декрет ЦИК КАСР от 22 ноября 1923 г. «О введении делопроизводства на киргизском языке»⁵.

В прессе той поры постоянно встречаются публикации, направленные на пропаганду изучения казахского языка «европейскими» служащими: «...Необходимо будет обязать всех ответственных работников изучить кирязки, столь необходимый для них в настоящее время»⁶; «казязки на общих собраниях должен восприниматься русскими рабочими как естественная форма интернационального общения, как необходимое следствие совместного разрешения общих вопросов»⁷.

Подобные призывы объяснялись необходимостью привлечения казахов на свою сторону в деле создания национальной, но все-таки советской государственности. Так, М.Н.Калинин, выступая в декабре 1924 г. на 10-й Оренбургской губернской партийной конференции с докладом «Задачи партии в Киргизии» (среди делегатов было 83% русских и 3% киргизов) предупреждал: «Вам придется много работать, чтобы загладить старые обиды, чтобы заставить киргиз их забыть, чтобы заставить полюбить их Советскую власть»⁸. Примерно в том же духе высказался Ф. Голощекин, руководитель республиканской партийной организации (уже была создана Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика со столицей в г. Ак-Мечеть, ныне Кызыл Орда): «В центре внимания должна стоять наибольшая польза казахского населения»⁹.

В то время на местах составлялись списки сотрудников с указанием степени владения казахским языком для русских служащих и русским - для казахов. Устанавливался график постепенного повышения языковой квалификации с обозначением размера надбавки к должностному окладу за успехи в овладении языком другой национальности¹⁰.

Говоря о реализации упомянутых выше декретов ЦИК КАСР, Ф.Голощекин в своей речи на III пленуме Казкрайкома ВКП(б) подверг резкой критике «русскоязычных» бюрократов: «В таком архинациональном городе как Чимкент около 200 хорошо грамотных националов сидят на бирже труда (доклад инструкторов тт. Ружейникова и Галли, март 1927 г.), а аппарат преспокойно продолжает работать на ионациональном языке!»¹¹.

Развивалась система образования на двух языках. В 1923 г. в республике имелось школ первой ступени: 1762 русских (имеется в виду язык обучения. - *И.С.*), 120 киргизских (казахских), 59 других, второй ступени: 26 русских, казахских не было вовсе, 3 других. В школах первой ступени насчитывалось 65 694 русских учащихся, 24 000 киргизов, 257 других. В том же 1923 г. выходило газет: 17 русских (тираж - 21 170 экз.), 5 казахских (7 550 экз.), журналов: 6 русских и 1 казахский¹².

В 1926/27 учебном году в школах первой и второй ступеней Чимкента преподавали 65 русских учителей и 10 казахов¹³. Материально-техническое оснащение школ, особенно казахских, было тогда весьма плачевным. По словам комиссара народного просвещения Казахстана Тохтабая-оглы Карима, «в 1911 году в русско-киргизских школах на одного учащегося приходилось 17 рублей в год (в середине 1920-х годов. - *И.С.*), а ныне в казахских школах - 7 рублей, в русских школах - 16 рублей»¹⁴.

Тем не менее школьное образование постепенно развивалось. В Казахстане значительно возросло число школ и учащихся: если в 1929/30 учебном году насчитывалось 5095 школ и 369 387 учеников, то в 1931 г. было уже 7159 школ и 600 073 ученика¹⁵. В 1928 г. число газет и журналов на казахском языке увеличилось до 10, а в 1931 г. - до 45¹⁶.

Как писал акад. С.Зиманов, «до конца 30-х годов государственность русского и казахского языка служила становлению управляющих кадров республики»¹⁷. Принимались меры по подготовке квалифицированных кадров казахской национальности.

Это достигалось благодаря открытию в республике собственных вузов: на 1 января 1933 г. их в республике насчитывалось 33¹⁸. В 1927 г. в Казахском государственном университете и Ветеринарном институте казахи составляли 55% студентов, в 1928 г. - 57%¹⁹. Кроме того, молодые люди из республики отправлялись на учебу в российские научные центры. Только из Казахстана в вузах России в 1933/34 учебном году обучалось 3 тыс. чел.²⁰ В результате численность казахов, получивших высшее образование, увеличилась с 2,5 тыс. в 1925 г. до 58 тыс. чел. в 1939 г.²¹

Все описанные выше достижения - итог определенной политики союзного руководства, одной из целей которого было установление контроля над политической жизнью республики путем включения формирующейся национальной управленческой элиты в единую общесоюзную идеологическую среду. Закончившие российские вузы выходцы из национальных республик рассматривались центральным руководством как люди, приверженные социалистическим ценностям и лояльные к существующему режиму.

В отношении же представителей национальной интеллигенции, образование и мировоззрение которых имело досоветское происхождение и которые отстаивали собственное видение политического и культурного развития Казахстана, в 1930-е годы осуществлялась политика репрессий. Сотни казахских политических деятелей, работников науки и культуры стали жертвами массовых осуждений и расстрелов, которым подвергались, впрочем, все жители Казахстана независимо от их национальной принадлежности, социального и образовательного статуса.

С конца 1920-х годов Казахстан, как и вся страна, вступил в период индустриализации. Бурное развитие новых отраслей промышленности, массовое строительство на территории республики потребовали привлечения высококвалифицированных специалистов из других, преимущественно европейских регионов страны. Обслуживание новых производств, развитие современных технологий обуславливали потребность в овладении местными кадрами технической документацией на русском языке. Расширение лексической базы, всей информационной инфраструктуры казахского языка не успевало за темпами модернизации жизни. В республике сложилась иная, нежели в предшествующий период, демографическая и лингвистическая ситуация.

Можно предположить, что происшедшее в конце 1930-х годов изменение культурной и языковой политики связано с отмеченными переменами. Свидетельство тому - постановление ЦК ВКП(б) от 27 января 1938 г., в котором говорилось, что «практика насаждения национальных школ... нанесла огромный вред делу правильного воспитания и обучения», а также совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик» и постановление бюро ЦК КП Казахстана от 8 апреля 1938 г. «О реорганизации национальных школ». Через некоторое время появляется постановление СНК СССР от 10 ноября 1940 г. «О переводе казахского языка на русский алфавит»²².

Не менее важна и политическая подоплека подобного шага центрального правительства. Покончив с «буржуазными националистами» в национальных республиках, руководство страны непосредственно приступило к унификации языковой среды - важнейшего средства социальной и идеологической консолидации и одновременно - к созданию базы для «посленационального» существования единой общности «советский народ».

В то же время ощущалась потребность в квалифицированных специалистах, способных осуществлять необходимые политические, идеологические и организационные мероприятия в местной национальной среде. Открывались новые вузы. Например, в 1936 г. возникает Педагогический институт в Чимкенте, где в 1937/38 учебном году получали высшее образование 115 чел., 75 из которых были казахами. В 1938/39 учебном году в институте обучалось 211 чел., в том числе 110 казахов²³.

Основывались научно-исследовательские институты и лаборатории, составившие научную базу сформированной несколько позже АН Казахской ССР. Были созданы учреждения культуры и искусства, творческие союзы, призванные обеспечивать необ-

ходимую «национальную» атрибутику республики, ставшей к тому времени союзной (1936 г.).

Складывалась противоречивая ситуация. С одной стороны, все усилия по развитию системы образования и культуры предпринимались в русле политики оказания помощи развитию национальных окраин, реализуемой союзным центром. Эти мероприятия требовали привлечения материальных и интеллектуальных ресурсов из других регионов страны, прежде всего тех, где преобладало восточнославянское население. В итоге сфера применения русского языка в Казахстане расширялась. Число его носителей увеличивалось и в результате приобщения казахского населения к индустриальным формам производства и включения в соответствующую социальную и культурную среду.

С другой стороны, всячески подчеркивалась «национальная специфика» республики. Это проявлялось в особом внимании к проблемам развития казахской культуры и образования казахского населения. Складывались определенные сферы деятельности, направленные на сохранение «национального колорита» республики, в которых культивировалось господствующее положение казахского языка и культуры. В 1924 г. в одной из редакционных статей газеты «Советская степь» отмечалось, что «киргизы - хозяева республики, имеющие свою, хоть и молодую небогатую художественную литературу, до сих пор не имеют в Оренбурге своего театра. Решено забронировать для киргизского театра 7900 рублей, полученные из центра, вообще для расходов по театрам. Это справедливо, русские театры продолжают работать с разбега - по традиции. Но киргизский театр - дело новое, и оно требует особой вдумчивости и особых затрат»²⁴.

Перед работниками учреждений культуры и искусства стояла задача сохранения и воспроизводства специфики, восходящей к традиционному укладу жизни казахского кочевого населения. Не менее важной была и задача отразить в своем творчестве развитие ранее «отсталого» населения в ходе «социалистических преобразований». Решающим критерием поэтому стало сочетание особенностей происхождения и вовлеченности в процессы модернизации экономической и общественной жизни республики. Это обусловило особую роль национальной интеллигенции, выходцев из аулов, которым после получения образования предписывалась роль «выразителей» устремлений народа.

Как нам кажется, есть смысл несколько слов уделить особенностям формирования мировоззрения и жизненной позиции «национальной интеллигенции» - той категории населения Казахстана, которая была призвана играть и действительно играла значительную роль в становлении казахской государственности и казахского национального самосознания.

Период обучения вдали от «малой родины», в чуждой для кочевника городской обстановке оставлял глубокую травму в душах национальных интеллигентов. Примером могут служить строки из стихотворения Магжана Жумабаева, которые передают ощущения молодого человека, возвращающегося домой после учебы в городе: «Ох уж эта учеба! - Иначе не приехал бы в город, / Оглянись, погляди назад, / Распростершийся словно гора, / Город - лежащий громадный дьявол... / Речь его - разногласица и гам, смраден воздух его и тяжел, / Господи я задыхаюсь!.. / Приехав в город я бродил. Тосковал по бескрайней моей степи»²⁵.

Настроения социального отчуждения, прослеживающиеся в произведениях многих казахских поэтов начала XX в., не приводят их, однако, к мысли о восстановлении в неприкосновенности элементов прежнего быта. Восприняв в ходе обучения идеи социального прогресса, интеллектуалы ратуют за включение казахов в общемировой процесс поступательного экономического, социального и культурного развития. «Казахи лишились права называться полноценной нацией, и если не хотят исчезнуть с лица земли, им следует освоить науку и технику, перейти к оседлости», - считал С.Торайгыров²⁶.

Естественно, в условиях кризиса традиционных институтов трансляции культурной

информации и господства современных средств распространения знаний и мнений интеллигентам некому перепоручить свою высокую миссию справедливого переустройства мира и создания собственного государства. «Наше время - отец эпохи грядущей», как указывал Байтурсынов²⁷.

Подобное самоощущение было характерно для казахских интеллигентов, маргинальность которых (ощущение своей принадлежности одновременно к двум различным культурным системам) отразилась в их восприятии окружающего мира и предлагаемых ими путей дальнейшего развития казахского общества: «Национальные движения в мусульманском мире... начинаются с глубокого интеллектуального кризиса, сопровождаемого осознанием материальной отсталости своего общества, которое кичится перед технически более мощной западной цивилизацией своим героическим прошлым»²⁸.

Неудивительно поэтому, что в творчестве казахских интеллигентов и публицистов активно разрабатывалась тема великого героического прошлого казахов, что служило, вероятно, своеобразной психологической компенсацией для людей, ощущающих свою оторванность от среды, которая являлась для них источником творческого вдохновения. Кроме того, «вековое наследие» казахов, осмысливаемое казахскими интеллигентами в терминах господствующих на рубеже веков воззрений на социальную природу человека, выступало в качестве источника грядущего расцвета «разбуженного» ими Казахстана.

«О, Восток мой с раскосыми глазами, что же ты медлишь... На Запад обрати свой взор, ты видишь кровавое пламя? Запад пылью заволокло. Со словами: "Я все познал!", заливаясь беспечным смехом, приблизился Запад к смерти!...Эй ты, недужный Запад! Чего лежишь развалившись? Прочь с моего пути!» - писал М.Жумабаев²⁹. Это стихотворение обнаруживает знакомство поэта с русским символизмом (его учителем был В.Брюсов) и концепциями упадка западной цивилизации, распространенными среди просвещенной российской общественности. В стихотворении «Казахский язык» культивирование собственной культурной самобытности видится поэту залогом сохранения социальной целостности: «Силы иссякли, рухнуло грозное знамя. Вчерашний батыр - сегодня униженный трус... Единство, державность, отвага, мощь, счастье, честь - Злая судьба уничтожила все, что имели. Дней золотых бесценным знаком Лучистая звезда - язык предков, остался ты»³⁰.

Эти строки неплохо иллюстрируют слова Э.Ренана о том, что «героическое прошлое - главный капитал, на котором основывается... моральное сознание именуемое нацией»³¹.

Вместе с тем прошлое не было единственным источником формирования «национальной» идеологии у представителей первого поколения казахской интеллигенции. Прекрасно знакомые с современными им идеями национального самоопределения, они ясно осознавали роль самобытной казахской культуры (как она им виделась в новых условиях) в качестве базы для формирования самостоятельной казахской государственности.

Например, в программной статье, помещенной в № 1 газеты «Казах», основанной в начале 1913 г. в Оренбурге, А.Байтурсынов писал: «Народ киргизский, с давних пор занимавший определенную территорию, вел обособленную жизнь; теперь мы видим наплыв переселенцев в Киргизской степи. Судя по историческому ходу вещей, нетрудно предугадать, что если пришлый элемент окажется в культурном отношении сильнее коренного населения, то со временем последнее должно быть поглощено первым.

...Перелом в экономической жизни киргизов неизбежен, на удобные для хлебопашества земли насаждаются земледельцы, скотоводческие участки отчуждаются для скотоводов пришельцев. Всевозможными путями проникают в нашу среду чуждые народности. Для того чтобы сохранить свою самостоятельность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре; для этого мы обязаны первым долгом заняться развитием литературы на родном языке. Мы никогда не должны забывать, что только народ, сумевший создать литературу на родном языке, имеет право на независимое существование»³².

Естественно, тем самым утверждалась особая роль создателей современной национальной культуры. Можно заключить, что в самоощущении казахских публицистов начала века нерасторжимо нравственный идеал собственной деятельности и образ «своей нации», созданный в значительной степени с их участием. А. Байтурсынов писал: «Журналисты националистичны, сочувствуют своей нации, делят горе и радость своего народа. Не быть националистом никак нельзя, ибо это противоречит закону природы. Не националист не человек, а свинья»³³.

В советский период к упомянутым чертам психологии казахского интеллигента добавилось также ощущение своей особой роли в деле создания советской национальной государственности. Это объясняется тем, что работники неместного происхождения не могли обладать такой «квалификацией», как знание казахского языка и местное происхождение, и конкурировать в этой сфере с «национальными кадрами». Такая ситуация порождала нездоровые явления среди национальных кадров: «некоторые казахские коммунисты и комсомольцы смотрят на партбилет как на чин или как на документ, обеспечивающий его личную жизнь и дающий ему привилегии в обществе и учреждениях»³⁴.

В послевоенный период политика советского государства по вопросу образования не изменилась. В 1946 г. ЦК КП(б) Казахстана принял меры по укреплению казахских средних школ: был предписан точный учет всех детей казахской национальности³⁵. Таким образом, демонстрировалось преимущественное внимание к образованию коренного населения по сравнению с представителями других национальностей.

С 1960-х годов начинают ощущаться результаты политики, направленной на форсированную подготовку национальных кадров. В гуманитарных вузах, например в Чимкентском педагогическом институте, казахи всегда составляли не менее половины студентов: в 1954 г. - 266 из 499 чел., в 1959 г. - 1928 из 3423, в 1971 г. - 2741 из 4322, в 1978 г. - 1679 из 2445 чел.³⁶

В технических же институтах число студентов-казахов было первоначально небольшим, но постоянно увеличивалось. Например, в расположенном в Чимкенте Казахском химико-технологическом институте (основан в 1946 г.) в 1950 г. среди 247 студентов было 27 казахов, в 1953 г. - из 408 - ЮЗ³⁷. Среди выпускников указанного института 1954 г. казахов было всего 18, среди преподавателей в 1950 г. - только один казах³⁸. Также один казах был среди 40 преподавателей и в 1954/55 учебном году. Но уже в 1959 г. в химико-технологический институт приняли 450 чел., из них - 229 казахов и 221 русский³⁹.

В 1960 г. в этом институте насчитывался 171 преподаватель, 11 заведующих кафедрами, в том числе один казах. Анализ распределения преподавателей по кафедрам показывает, что доля преподавателей-казахов на разных кафедрах не превышала 25 %, за исключением кафедры марксизма-ленинизма, где свыше 60 % сотрудников, в том числе и заведующий, были казахами. В том же 1960 г. на одном из факультетов трудилось 6 доцентов-русских и 5 доцентов-казахов, среди преподавателей - 54 русских и 30 казахов.

Интересно сравнить состав студентов очного и заочного отделений. В 1961 г. на дневном отделении всего обучалось 720 студентов, из них 404 - русские и 139 - казахи. С учетом заочного отделения общее число студентов достигало 1788 чел., из них русских - 639, казахов - 801⁴⁰.

В 1965 г. в институт было принято 227 русских и 312 казахов⁴¹. В 1969 г. здесь обучалось 1270 казахских и 713 русских студентов, преподавали 127 русских и 138 казахов⁴². Через 10 лет, в 1978 г., продолжали развиваться тенденции, наметившиеся ранее: прием в том году составил всего 250 чел., из них 89 - русские и 118 - казахи⁴³.

В последние десятилетия все более отчетливо проявлялось преобладание казахов среди студентов и преподавателей в Чимкентском педагогическом институте: в 1970 г. там работали 123 казаха и 60 русских преподавателей⁴⁴. Из принятых в 1984 г. в институт по внеконкурсному набору 198 чел. было 186 казахов⁴⁵.

Резкое повышение числа лиц с высшим образованием у представителей титульных национальностей в национальных республиках отмечалось не раз. Можно сослаться на работы Ю.В.Аругюняна, Л.М.Дробижевой, М.Н.Губогло и др., в которых делался вывод о распространенности подобных тенденций в той или иной республике СССР⁴⁶.

Сравним индекс участия представителей русской и «коренной» национальностей в республиканском студенчестве Казахстана в разные годы. В 1961 г. он составил у русских 103, у казахов - 135; в 1979 г. - 90 и 138, в 1989 г. - 83 и 147 соответственно⁴⁷. Согласно данным Госкомстата республики, в 1989/90 учебном году национальный состав студентов в расчете на 1000 чел. населения выглядел следующим образом: казахи - 93, русские - 53 чел.⁴⁸

Еще резче отмеченные расхождения в Чимкенте: в 1970/71 учебном году более половины студентов города составляли казахи, причем большая часть из них училась на отделениях с казахским языком обучения. В то же самое время число учащихся средних школ города составляло 47 305 чел., из них казахов - 7325, а на казахском языке обучалось 3375 чел.⁴⁹

Неслучайно поэтому, что во время переписи 1970 г. 33 564 чел., т.е. почти 30% горожан «неевропейского» происхождения, назвали русский язык родным⁵⁰.

Постепенно формировались две сосуществующие в рамках одного города, но слабо пересекающиеся между собой системы организации образования и две соответствующие им социокультурные и лингвистические среды. Это, во-первых, система городского среднего образования на русском языке, где число школьников-казахов было весьма незначительным (из 50 городских школ до начала 1990-х годов лишь 3-4 были казахскими или смешанными). Соответственно и обучение казахскому языку находилось на периферии внимания руководителей городского отдела народного образования, как правило, - русских. Уроки казахского языка проводились формально, что вызывало пренебрежительное отношение к ним русских и других русскоязычных школьников. Это вряд ли доставляло удовольствие немногочисленным одноклассникам-казахам, наблюдавшим такое отношение к их родному языку.

Число учеников-казахов в среднем по школам города вплоть до последнего времени не превышало, как правило, 5 из 30-35 чел. в классе (из личных наблюдений автора, неоднократно в пору работы в школе составлявшего ведомости с указанием: «число казахов в классе..., из них казашек...»).

С одной стороны, казахские учителя, выходцы из сельской местности, окончившие казахское отделение педагогического института и слабо владевшие русским языком, чувствовали себя в городе не очень комфортно и не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительное повышение своего профессионального статуса. С другой стороны, внутри системы среднего образования существовали определенные возможности для социального и служебного роста определенной категории людей, а именно «национальных кадров», когда возможность продвижения по службе зависела не только от профессиональных качеств, но и от этнического происхождения.

Поскольку большинство сельского населения в республике составляли казахи, то в сельских школах обучение велось главным образом на казахском языке, а в органах народного образования сельских районов преобладали служащие казахи. Последних было большинство и в областном отделе народного образования, который определял кадровую политику как в области в целом, так и в городских школах в частности. Следует также отметить раздутость управленческих кадров в органах народного образования по сравнению с другими районами СССР. Например, в середине 1980-х годов в Чимкенте имелись районные отделы народного образования, руководившие 11 школами, в то время как в подчинении аналогичных органов некоторых московских районов находилось до 80 школ (эти данные приводились на одном из совещаний учителей города в 1987 г.). В итоге наблюдалась некоторая диспропорция в сторону преобладания русских среди рядовых преподавателей, а казахов - среди управленческих кадров.

В 1978 г. среди делегатов состоявшегося тогда V съезда учителей Казахстана было 605 казахов и 353 русских⁵¹.

Анализ списков учителей, представленных к наградам и поощрениям, показывает, что около 70% награжденных - казахи, несмотря на то что среди городских учителей всегда пользовались авторитетом как методисты и организаторы русские и русскоязычные специалисты⁵².

Подобная система поощрений, а также целый комплекс льгот и преимуществ (бесплатное жилье, оплата коммунальных услуг, специальные надбавки и т.п.), вполне оправданные в условиях работы сельского учителя, видимо, призваны были компенсировать в глазах казахских учителей недостаток внимания со стороны руководства к проблемам образования на казахском языке. Это же способствовало формированию завышенных социальных ожиданий у части казахских педагогов, считавших естественным и возможным для себя преимущественное положение в системе образования в силу «национальных особенностей республики».

Такой административный характер проявления внимания к проблемам казахского образования вызывал недовольство среди русскоязычных преподавателей. Тем более, что качество подготовки «национальных» педагогических кадров не улучшалось и в итоге не способствовало повышению их авторитета как профессионалов в глазах коллег. Эти несоответствия легко облекались в восприятии людей в форму национальных противоречий.

Система высшего образования, ориентированная в значительной степени на подготовку казахских кадров, способствовала созданию особой, преимущественно казахскоязычной среды, что резко контрастировало с окружающей городской социально-культурной атмосферой. Комплекс льгот при поступлении в вузы казахам из села (заниженные требования на вступительных экзаменах, преимущества при конкурсном отборе и т.д.) предоставлял им особые возможности. Таким образом, они могли получить высшее образование и определенные возможности для дальнейшей служебной карьеры, не меняя при этом языковой среды.

На казахских отделениях факультетов в институтах складывался особый стиль взаимоотношений между студентами и преподавателями, напоминавший традиционную схему покровительства старших родственников младшим. Студенты, оказавшись вне привычного для них уклада жизни, ощущали потребность в существовании условий, хотя бы отчасти воспроизводящих характерные черты «традиционной» культурно-психологической среды. Преподавателям в этой ситуации была уготована роль посредников между сельской - казахскоязычной и городской - русскоязычной. Они старались предстать перед студентами хранителями «подлинно национальных» элементов социальной и моральной системы перед лицом тлетворного влияния городской цивилизации. Это позволяло им воспроизводить псевдотрадиционную атмосферу, используя принятое на Востоке уважение к старшим.

Происходило упрощение программ, не создавались стимулы для включения как студентов, так и преподавателей в доминирующую в городе русскоязычную среду. Одновременно отсутствовали стимулы для овладения студентами русских отделений казахским языком. До конца 1980-х годов вообще в вузовских учебных программах отсутствовали курсы изучения казахского языка. По существу студенты, обучающиеся на русском и казахском языках на разных отделениях одного факультета, исключая, конечно, неформальное общение, только раз в году имели возможность для совместной деятельности, а именно в период подготовки традиционного смотра художественной самодеятельности «Студенческая весна». Оформление итогового концерта обязательно должно было включать в себя помимо «общесоветских» элементы казахской атрибутики, а сам концерт велся на двух языках параллельно. В течение же учебного года занятия и даже факультетские собрания старались проводить раздельно или же они проходили преимущественно на русском языке.

Неудивительно, что казахи получившие высшее образование на родном языке, соответственно воспринимали сложившуюся этноязыковую ситуацию. О настроениях

определенной части казахской интеллигенции свидетельствуют фрагменты документов периода «языковой революции»: «Оказавшись в многонациональном (городском) коллективе, не владея хорошо русским языком, они чувствовали себя неполноценными, неравноправными членами коллектива; такие казахи, владея языком лишь своей национальности, и не мечтают о руководящих должностях в государственных учреждениях, партийных и советских органах»⁵³. Вполне понятно, что человек, столкнувшись с проблемой «поиска необходимой информации, основным носителем которой является документация на русском языке, ощущает потребность во введении делопроизводства на казахском языке для сокращения времени прохождения документов и, тем самым, уменьшения количества инстанций, искусственно созданных, не владеющими казахским языком»⁵⁴.

Понятно, что подобные умонастроения появились не вдруг: они были закономерным результатом своеобразной ситуации, рожденной особенностями культурной политики союзного государства в «национальных» республиках. С одной стороны, советское государство культивировало «национальную» специфику культурной жизни республики, предоставляя определенные возможности для творческих работников, разрабатывающих национальную проблематику (национальные отделения в творческих вузах, протекционистская издательская политика, организация гастрольных выступлений и т.д.). С другой стороны, существовал жесткий контроль над всеми сторонами творческой деятельности авторов, и их успешная творческая судьба зависела от благосклонности республиканских и союзных идеологических структур.

Сабетказы Нуржакияулы Акатай вспоминает: «В 60-е годы не было ни одного казахского поэта, который бы не восхвалял партию, не одобрял бы совершенные ею преступления против казахов. Именно тогда известные поэты и писатели единогласно проголосовали за исключение Мукагали Макатаева из Союза писателей Казахстана (поэт обвинялся в идеализации досоветского Казахстана. - *И.С.*). Казахские поэты и писатели переводили свои книги на русский язык еще до выхода их в свет на казахском. Провести декаду в Москве, получить благословение Москвы - это было главной целью казахской интеллигенции»⁵⁵.

Сходными воспоминаниями делится Озбекали Жанибеков, бывший секретарь ЦК КП Казахстана по идеологии: «Раньше даже чувство гордости за свой народ некоторые нетерпимые люди считали национализмом... Среди актива Тургайской области только после двенадцати ночи можно было говорить по-казахски»⁵⁶.

Неудивительно, что среди казахской художественной интеллигенции зрело скрытое сопротивление своему двусмысленному и приниженному положению, которое они отождествляли с положением казахской культуры как таковой. Не имея возможности выступить с открытым протестом, многие авторы занялись разработкой исторической тематики. Помещая своих героев в контекст минувших исторических эпох, казахские интеллектуалы устами отважных борцов за независимость родных степей пытались озвучить мучавшие их насущные вопросы: о судьбе родного языка и культуры, восстановлении попранной национальной гордости путем обращения к героическому прошлому, месте национального самосознания в современных общественных и политических процессах и т.д. Несколько позже писатель А.Алимжанов так скажет об этом: «Народ, раскрепощенный социально, неизбежно должен обращаться к своей исторической памяти, родному языку и культуре»⁵⁷.

Огромный общественный резонанс имели исторические работы С.Асфендиярова, Е.Бекмаханова, исторические романы И.Есемберлина, А.Алимжанова, историческая публицистика О.Сулейменова. Партийные идеологи прекрасно понимали как истинные мотивы появления таких произведений, так и опасность для общественного умонастроения исходящего от них пафоса. Свидетельство тому - репрессии в отношении многих авторов и запрещение их книг. Например, в чимкентском пединституте в 1986 г. автор столкнулся с тем, что сотрудники особого отдела КГБ просили сообщать о тех, кто имеет или хотя бы просто читал книгу О.Сулейменова «А3 и Я». Тем не менее студенты продолжали тайком обсуждать эти книги. По информации современ-

ной казахстанской печати, в конце 1960-х - начале 1970-х годов в Москве возникло первое тайное общество студентов-казахов, которые ставили своей целью возрождение казахской культуры и независимость казахского государства. А сколько их было таких, возникающих на основе многочисленных казахских студенческих землячеств в сотнях вузов СССР, не знает, наверное, никто.

Одним словом, резкая антирусская направленность появившихся начиная с середины 1980-х годов от лица казахских интеллектуалов законопроектов и инициатив, направленных на радикальные изменения языковой и культурной политики, не должна вызывать удивления.

Говоря об основных чертах языковой и образовательной политики советской власти в Казахстане, следует отметить, что, с одной стороны, национальный язык и национальная культура институировались и культивировались в качестве основы для создания коллективного субъекта взаимоотношений Центра с крайними регионами. Они же являлись главным атрибутом национального государства - основного инструмента политического управления национальными окраинами. Соответственно в условиях актуализированного, зачастую обостренного внимания к роли национально-культурных черт в общественной жизни прошла социализация нескольких поколений титульного населения советских «национальных» республик.

Кроме того, «общесоветский» характер идеологии единого государства, унифицированные формы организации производственной и социально-культурной сферы и огромная миграция населения привели к тому, что около более половины населения Казахстана считали «национальную атрибутику» некоторых сторон жизни казахстанского общества не более чем декоративным допущением.

Существовали лишь две сферы, где эксплуатация этнических особенностей могла принести социальные дивиденды (доступ к власти и ресурсам): ротация кадров для аппарата управления и реализация специфической культурной политики, направленной на обслуживание «национальной специфики» государства. Функционирование этих механизмов привело к появлению феномена «национальных кадров», в котором со всей очевидностью проявились «двойные стандарты» советской социальной политики: все люди равны, и благополучие каждого зависит лишь от его труда во благо общества, но специфическая ситуация «национальной республики» обуславливает особое положение «национальных кадров» в структуре общественного производства путем предоставления различных льгот, квот и т.д.

Как следствие люди, вовлеченные в реализацию подобной политики, оказались «уловленными» формулами националистической риторики: они почувствовали, что культурные особенности могут стать неплохим подспорьем в деле социального продвижения.

Примечания

¹ Алаш-Орда. Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1992.

² Тишков В.А. Россия как многонациональная общность и перспективы межэтнического согласия // Академ, центр «Российские исследования». Вып. IV. М., 1994. С.15.

³ Akirter Sh. Uzbeks // Smith G. The nationalities question in the Soviet Union. L.; N.Y., 1992. P. 218-219.

⁴ Тынышбаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925.

⁵ Кишкбаев Н. Торжество Ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1968. С. 41.

⁶ Працюн. Еще раз о киргизском языке // Сов. степь. 1921. № 28. 21 дек.

⁷ Шафиро Ш. Казызык на общих собраниях // Сов. степь. 1926. № 125.

⁸ Калинин М.Н. Задачи партии в Киргизии // Сов. степь. 1924. № 316. 9 дек.

⁹ Сов. степь. 1926. № 96 (702). 28 апр.

¹⁰ Архив Чимкентского горсовета. Ф. 83. Оп. 1. Св. 2. Д. 34.

¹¹ Правда Востока. 1927. 20 сент.

¹² Шесть лет национальной политики Советской власти. М., 1924. С. 41.

¹³ Архив Чимкентского горсовета. Ф. 83. Оп. 1. Св. 2. Д. 40.

¹⁴ Чокый-оглы М. Туркестан под властью Советов. Главы из книги // Простор. 1993. № 9-10. С. 101-112.

¹⁵ Итоги разрешения национального вопроса в Казахской ССР. М., 1936. С. 185.

- ¹⁶ Там же. С. 240.
- ¹⁷ Казахстанская правда. 1989. 31 авг.
- ¹⁸ Итоги разрешения национального вопроса в Казахской ССР. М., 1936. С. 185.
- ¹⁹ Анушкин Д. Из опыта коренизации в Каз.ССР // Революция и национальности. 1935. № 7. С. 98.
- ²⁰ Киикбаев Н. Указ. раб. С. 221.
- ²¹ Там же. С. 204.
- ²² Там же. С. 78.
- ²³ Архив Чимкентского горсовета. Ф. 1236. Оп. 1. Св. 5. Д. 17.
- ²⁴ Сов. степь. 1924. № 289. 4 нояб.
- ²⁵ Алем. Альманах. Алма-Ата, 1991. С. 66.
- ²⁶ А кбиека Л. О поэмах Султан-махмута Торайгырова «Таныстыру» и «Айтыс»//Простор. 1993. № 10. С. 229-240.
- ²⁷ Алем. С. 20.
- ²⁸ Беннигсен А., Ламарсье-Келькежей III. Пресса и национальное движение среди мусульман России до 1920 года //Алем. С. 158.
- ²⁹ Там же. С. 60.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Ренан Э. Что такое нация? ЦРенан Э. Собр. соч. В 12 т. Т.6. Киев, 1902. С. 100-102.
- ³² Алем. С. 84-85.
- ³³ Анушкин Д. Указ. раб. С. 95.
- ³⁴ Тогжанов Г. Казахская печать и общественность // Сов. степь. 1926. № 218 (825).
- ³⁵ Зидорожний Т.К. Школы Казахстана 1946-1970 г. Алма-Ата, 1975. С. 45.
- ³⁶ Архив Чимкентского горсовета. Ф. 1236. Оп.2. Св. 68. Д. 458. Л. 61; Св. 28. Д. 107. Л.5.
- ³⁷ Там же. Ф. 1222. Он. 2. Св. 3. Д. 16.
- ³⁸ Там же. Оп 1. Св. 14. Д. 1.
- ³⁹ Там же. Оп. 2. Св. 6. Д. 45. Л. 3.
- ⁴⁰ Там же. Св. 7. Д. 26. Л. 8-9.
- ⁴¹ Там же. Св. 15. Д. 102. Л. 7.
- ⁴² Там же. Св. 2. Д. 128.
- ⁴³ Там же. Св. 18. Д. 530.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1236. Оп. 2. Св. 299. Д. 178.
- ⁴⁵ Там же. Св. 192. Д. 828.
- ⁴⁶ Русские: этносоциологические очерки. М., 1992; Губогло М.Н. Переломные годы. Т.1. Мобилизованный лингвизм. М., 1993; ego же. Этноязыковые процессы в СССР. М., 1984; Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М. Русские в распадающемся Союзе // Отечественная история. 1992. № 3. С. 4-16; Дробижеева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 71-85.
- ⁴⁷ Русские: этносоциологические очерки. С. 118.
- ⁴⁸ Казахстан в цифрах. Алма-Ата, 1990. С. 66.
- ⁴⁹ Архив Чимкентского горсовета. Ф. 187. Оп. 1. Св. 45. Д. 342. Л. 1.
- ⁵⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 250.
- ⁵¹ Пятый съезд учителей Казахстана 24—25 мая 1978 г. Выступления и доклады. Алма-Ата, 1978.
- ⁵² Архив комиссии по народному образованию Чимкентского горсовета. Ф. 187. Оп. 2. Св. 30. Д. 562.
- ⁵³ Хасанов Б.Х. Механизмы введения и реализации Закона о языках в Казахской ССР и пути внедрения языка в различные сферы жизни. Алма-Ата, 1990. С. 10.
- ⁵⁴ Там же. С. 17.
- ⁵⁵ Егемен Казакстан. 1995. 5 окт.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Дружба народов. 1987. № 12. С. 124.

I. S. S a V i n. Origins of the present day's culture and language situation in Kazakhstan

On the basis of archival and press materials and of sociological surveys' data the article examines the formative process of the conditions which have led to the emergence of the present day's linguistic situation in Kazakhstan and stipulated for the regularities of its reflection in the mass consciousness. The author analyses the main features of the linguistic, cultural and educational policy that has been realized in Kazakhstan beginning from the 1920s.